

Научная статья. Политические науки
УДК 94
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-03-109-123>

РОЛЬ ИСЛАМА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТУРЦИИ

Айтан Байлар кызы Гасанова

Университет Хазар, Баку, Азербайджан
aytanh23@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7348-8065>

Аннотация. В статье рассматривается роль религии в модернизации Турецкой Республики. Ислам всегда оказывал значительное воздействие на турецкое общество. Его влияние было ощутимо даже в те периоды истории, когда власти проводили политику секуляризации. Показательной в этом отношении является деятельность различных мусульманских тарикатов, которые внесли весомый вклад в становление политического ислама в современной Турции. Особое внимание в статье уделяется специфике развития турецкого исламизма, который добился политического признания с приходом к власти Партии справедливости и развития. В правление ПСР был активизирован переговорный механизм с ЕС и предприняты важные в этой связи реформы по модернизации государства. А ренессанс ислама становится частью политической либерализации. Однако с 2007 года ситуация в стране начинает меняться. Наблюдается тенденция к централизации власти и широкой исламизации социально-политической сферы жизни. Эти два компонента входят в нынешний проект по модернизации Турции.

Ключевые слова: Турция, модернизация, секуляризм, Накшибенди, ЕС, кемалисты, исламисты

Для цитирования: Гасанова А. Б. Роль ислама в социально-политической модернизации Турции. *Восточная аналитика*. 2023;14(3):109-123. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-03-109-123>.

Original article. Politics studies

THE ROLE OF ISLAM IN SOCIO-POLITICAL MODERNIZATION OF TURKIYE

Aytan Gasanova

Khazar University, Baku, Azerbaijan,
aytanh23@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7348-8065>

Abstract. The article is concerned with the role of religion in Turkiye's modernization. Islam has always influenced a lot the Turkish society. It had a tangible impact even in those periods of history when the authorities pursued secularization policies. The activities of various Muslim tariqas are illustrative in this respect. Tariqas made a significant contribution to the emergence of political Islam in modern Turkey. The article pays special attention to the peculiarities in the development of Turkish Islamism, which gained political recognition after the rise to power of Justice and Development Party. Under the AKP negotiations with the EU were launched and important reforms in this regard were conducted to modernize the state. And the renaissance of Islam becomes part of political liberalization. However, since 2007 the situation

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

in the country has changed. There has been a tendency towards consolidation of power and broad Islamization of the socio-political field. These two components comprise the current modernization project for Turkiye.

Keywords: Turkey, modernization, secularism, Nakshibendi, EU, kemalists, islamists

For citation: Gasanova A. B. The role of islam in socio-political modernization of Turkiye. *Eastern Analytics*. 2023;14(3):109-123. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-03-109-123>

В последнее время турецкая модель модернизации вызывает большой интерес, что обусловлено длительным пребыванием у власти исламистской Партии справедливости и развития. Многих исследователей волнует вопрос относительно того, насколько политический ислам может быть модернистским. Поиску ответа на данный вопрос и посвящена предложенная статья.

1. Ислам во времена Османской империи и кемалистской Турции

В османский период турецкой истории религия играла заметную роль в социально-политической жизни государства. Военно-бюрократическая система управления во главе с султаном (*падишахом*) сосуществовала с ученым сословием (*улема*), проповедовавшим идеалы теократии. Эти две структуры объединялись в единой системе «царства и веры» (*дин-и девлет*), что достигалось, с одной стороны, путем провозглашения султана «тенью Бога на земле», а с другой – включения большинства улемов в состав государственного аппарата [Мейер, 2011, с. 66]. Иными словами, религиозный аппарат имел широкие возможности для осуществления властных функций.

Так, духовенство занималось не только организацией религиозно-культурных обрядов и воспитанием верующих, но и изданием фетв, одобрявших или осуждавших действия властей, а также выполнением судебных задач через специальный институт мусульманских судей – кадий. Последние, помимо своих основных задач правового характера, призваны были также докладывать султану о злоупотреблениях местных властей [Орешкова, 2012, с. 7].

Кроме так называемого «высокого» ислама (канонические тексты, шариат), носителем которого провозглашалось сословие улемов, в Османской империи также большое значение имел «народный» ислам. Его олицетворением были многочисленные религиозные братства, или тарикаты. Основная масса таких тарикатов была последователями суфизма – мусульманского мистического направления. Суфийские братства обучали «живой» вере и «живому» общению с Богом, для них были характерны аскетизм и приоритет духовного над материальным.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

«Народный» ислам оказал значительное влияние на турецкую литературу, искусство, поэзию [Хорос, 2011, с. 222–223]. В XIX веке самым влиятельным братством в Османской Турции становится орден Накшибенди (Накшбандия), зародившийся в XVII веке в Индии для предотвращения проникновения индуистских идей в традиционный ислам [Mardin, 2006, p. 10]. Этот орден имел определяющее значение для развития идей исламизма в Турецкой Республике.

Ислам начал терять былое значение в обществе в период Танзимата (1839–1876 гг.), от которого принято отсчитывать начало турецкой модернизации. Последняя предполагала частичную секуляризацию¹, то есть лишение ислама его влияния во многих значимых сферах общественной жизни.

Прежде всего необходимость реформ для модернизации государства определялась углублением в начале XIX века кризиса Османского султаната в связи с обострением борьбы европейских держав за господство на Балканах и Ближнем Востоке. Модернизация задумывалась властями для ослабления зависимости Турции от европейских стран и приведения существующего строя в соответствие с западноевропейскими лекалами. Это означало учреждение многочисленных институтов в рамках вновь созданной светской административной правовой системы [Mardin, 2006, p. 12].

Кроме того, назревшие реформы призваны были смягчить внутренние противоречия в османском обществе, в том числе межконфессиональные. Пересмотр роли ислама был необходим для формирования единой османской идентичности, лишённой религиозной коннотации [Акуол, 2019]. Так появилась идейно-политическая концепция «османизма». Сторонники этой концепции считали, что патриотизм должен основываться на принадлежности не к какой-либо этнической группе или конфессии, а к османскому государству [Петросян, 1975, с. 143–144]. Так называемые «новые османы» выступали за либерализацию, введение конституции и парламентарной формы правления, что должно было в конечном итоге свести на нет национально-освободительные движения внутри империи.

Однако идеи «османизма» не нашли достаточной поддержки в народной среде, так как жизнь основной массы населения Султаната была тесно связана с исламом. По этой причине более заметное распространение получила концепция «панисламизма». Выступая за политическую либерализацию османского государства за счет установления конституционной монархии и парламентаризма, панисламисты в то же

¹ Секуляризм (лаицизм) – светскость.

время считали необходимым провести своеобразную религиозную модернизацию. Последняя подразумевала адаптацию ислама к современности и пересмотр основных его положений с точки зрения разума. Такая религия, по их мнению, могла бы служить объединительным началом для борьбы с колониальной экспансией Запада [Мейер, 2011, с. 71].

Как «османизм», так и «панисламизм» внесли свой вклад в формирование идеологии младотурков (партия «Единение и прогресс»), которые в начале XX века путем переворота установили конституционную монархию в Османской Турции. Однако на фоне безудержного подъема национально-освободительного движения на периферии империи эти концепции не смогли сплотить общество. Поэтому основным идеологическим подспорьем младотурецкой национальной политики стал пантюркизм, который получил оформление в работах З. Гекальпа. Эта доктрина была нацелена на укрепление цивилизационной сущности тюркской идентичности и превращение Османского султаната в унитарное моноэтническое тюркское государство [Бурашникова, 2013, с. 66].

Идеи тюркизма сыграли ключевую роль в политике Мустафы Кемаля Ататюрка – основателя Турецкой Республики. Руководствуясь идеологией Гекальпа, республиканское правительство Ататюрка сформулировало основные принципы развития новой Турции: национализм, вестернизация, этатизм [Бурашникова, 2013, с. 66].

Принцип вестернизации предполагал реформу самой религии. В свое время протестантизм, появившийся в результате трансформации христианства, обеспечил прорыв европейской цивилизации. По мнению идеологов кемализма, реформированный ислам мог бы сыграть такую же роль в Турецкой республике. То есть они считали, что религия не противоречит модернизации.

Для успешного реформирования религии, по замыслу кемалистской «Народно-республиканской партии» (НРП, *Cumhuriyet Halk Partisi*), необходимо было создать соответствующие институты западного образца. В 1927 г. было создано Управление по делам религии (Diyanet), целью которого являлось создание «современной» религии, основанной на рационализме и духе Просвещения. Цивилизационный выбор Турции был сделан в пользу Европы, которая ассоциировалась с модернизацией и прогрессом. Запад стал классифицировать «турецкую модель» модернизации как образец для подражания для всего исламского мира [Dumont, 2003].

С другой стороны, одной из важнейших реформ М. К. Ататюрка стало законодательное закрепление принципа секуляризма, или разделения религии и государства. Благодаря этой реформе удалось заблокировать возможность прихода к власти религиозных и консервативных кругов. Однако секуляризация в кемалистской Турции отличалась от европей-

ской: религия отделялась от государства, но при этом не объявлялась личным делом гражданина. Напротив, ислам находился под прямым государственным контролем и авторитарными методами вытеснялся из общественно-политической жизни страны [Саруханян, Сергеев, 2012, с. 13]. Если в большинстве европейских государств разделение церкви и власти происходило эволюционным путем, то в Турецкой республике лаицизм насаждался принудительно. Поэтому турецкий секуляризм нередко называют «наступательным» («assertive secularism») [Grigoriadis, 2009, pp. 1196]. В этом смысле он напоминает французский вариант лаицизма и именно так переводится на турецкий язык – «laiklik».

Парадокс «наступательного секуляризма» в Турции заключался в том, что он не привел к полному исчезновению ислама из общественно-политической жизни: напротив, религиозный фактор сохранялся и эксплуатировался в интересах государства. Так, в Управлении по делам религии могли быть представлены лишь сунниты, а христиане и алавиты данного права не имели [Crisetig, 2021]. Кроме того, суннитские мечети строились за счет средств бюджета по всей стране, включая те регионы, где превалировало алавитское население. Таким образом, есть основания полагать, что суннизм использовался кемалистским правительством как объединительный фактор в построении турецкой национальной идентичности. Постепенно формировался так называемый «тюрко-исламский синтез» [Grigoriadis, 2009, p. 1197].

2. Становление и эволюция политического ислама в современной Турции

Несмотря на все усилия авторитарного режима М. К. Ататюрка идеологический сплав тюркизма с модернизированным исламом не смог изменить мироощущения рядовых граждан из турецкой глубинки. Кемалистская элита не сумела выработать альтернативную систему ценностей, ориентированную на конкретные социальные группы: сельское население страны, бедные слои, переехавшие из села в город, и зарождавшийся средний класс. Отсутствие подобной системы стало серьезной проблемой в контексте политического и экономического развития государства: открытым оставался вопрос включения этих групп в общий процесс. Другими словами, все упиралось в проблему формирования идентичности турецкого народа.

Заполнить образовавшийся вакуум в ценностных ориентирах у вышеназванных категорий населения были призваны альтернативные социально-этические парадигмы. И они были успешно предложены многочисленными исламскими сообществами [Yavuz, 2003, p. 4]. Мусульманские братства, хоть и нелегально, но продолжали функцио-

нирывать в эпоху кемализма и вызывать живой интерес у народа. Так, именно в республиканский период Саид Нурси, основатель авторитетного религиозного сообщества «Нурджулар», распространил свое влияние на всю Турцию. Рукописные «письма» Нурси, которые писались им в заточении и распространялись подпольно, пользовались спросом у широкой публики [Mardin, 2006, p. 16]. Большинство таких тарикатов идеологически были близки к суфийскому ордену Накшибенди, укрепившему свои позиции еще во времена Османской Турции. Этот орден олицетворял социальный ислам [Гаджиев, 2012, с. 169], который мог удовлетворить нужды вышеуказанных слоев населения. Ведя просветительскую деятельность в деревнях и небольших городах, представители данного ордена создавали серьезную базу для формирования политического ислама в Турции [Crisetig, 2021].

Различные мусульманские сообщества становились точкой притяжения и для многих турок, которые были недовольны политикой вестернизации и секуляризации. Число таких организаций возрастало. Например, последователем С. Нурси стал проповедник Фетхуллах Гюлен, основавший движение «Хизмет». Он создал обширную сеть религиозных школ, в которых обучались самые разные люди, включая бизнесменов и представителей СМИ. Впрочем, и нурджисты, и гюленисты разделяли взгляды ордена Накшибенди.

Примечательно, что модернизация поставила данное братство перед необходимостью проведения определенных реформ. Ислам следовало привести в соответствие с современными реалиями. С одной стороны, его члены задались целью провести «секуляризацию» мусульманской религии изнутри. Речь шла о рационализации религиозной практики путем отказа от мистических элементов и сосредоточения верующих на жизни в этом мире, а не в Мире ином. С другой стороны, тарикат Накшибенди пытался дать собственную «исламскую» интерпретацию ключевым компонентам модернизации, как-то демократия, права человека, свободный рынок и т. п. Таким образом, границы традиционной религии серьезно видоизменялись [Yavuz, 2003, p. 5].

Так или иначе, все политики, которые внесли вклад в возрождение ислама в социально-политической жизни Турции, имели определенное отношение к ордену Накшибенди. Одной из таких фигур был Н. Эрбакан. В 1969 году он стал основателем происламского движения «Национальный взгляд» («Millî Görüş»), которое было создано при активной поддержке джамаата Искендерпаша [Соснов, 2021, с. 52]. Эрбакан также стал автором одноименного манифеста – первого идеологического документа политического ислама в Турецкой Республике. Политик был убежден в том, что доминирующие в международных отношениях и миро-

вой экономике западные ценности полностью противоречат нормам и правилам, принятым в восточных обществах. В этом контексте вступление Турции в Европейское экономическое сообщество рассматривалось им как угроза ее «порабощения» христианским миром [Erbakan, 2019, pp. 30–32]. «Справедливый порядок», за который ратовал Эрбакан, подразумевал, напротив, объединение мусульманских стран с целью противостояния Западу. По его мнению, это способствовало бы в конечном итоге возвращению исламской цивилизации ее прежнего политического веса и влияния [Шлыков, 2008, с. 58].

Политическая активность Н. Эрбакана началась в 1970-е гг. «Партия национального порядка» (Millî Nizam Partisi, MNP), основанная им в 1970 г., была закрыта по решению Конституционного суда Турции спустя год после создания. Главное обвинение против нее – угроза секуляризму, которая таилась в происламской программе MNP. Все последующие партии Эрбакана имели схожую судьбу. В 1996–1997 гг. он возглавлял правительство, и это стало переломным моментом в истории Турецкой Республики. Впервые за все время ее существования премьер-министром стал представитель политического ислама. В период нахождения у власти Н. Эрбакана Турция присоединилась к региональным исламским организациям и даже сама стала инициатором создания группировки D-8 ("Developing-8", «Восьмерка развивающихся стран»: Турция, Иран, Малайзия, Индонезия, Египет, Бангладеш, Пакистан, Нигерия). Последняя была задумана для обсуждения мусульманскими государствами вопросов перераспределения мирового богатства в рамках нового «справедливого мирового порядка» [Bayar, Tasdemir, 2021].

В конце XX в. представители политического ислама избрали достаточно прагматичные методы борьбы. Они примкнули к либералам, которые были сторонниками более мягкого и более «лояльного в отношении религии» секуляризма. Исламисты вместе с либералами вошли в круги так называемых «анти-кемалистов», которые указывали на коренные различия между англо-саксонским пониманием лаицизма и его французским вариантом. М. К. Ататюрк, как уже было отмечено выше, в свое время выбрал последний, толковавший светскость как «свободу от религии». А противники кемалистов продвигали «свободу вероисповедания» на американский манер [Akyol, 2019].

Таким образом, реисламизация общественно-политической жизни в Турецкой Республике подтвердила «созревание» процессов демократизации. Она выразилась в переходе от «наступательного» к «пассивному» секуляризму. Таковы были издержки модернизационного проекта кемалистов [Grigoriadis, 2009, p. 1201]. К тому же социально-экономическое развитие государства в целом и последующая экономическая и полити-

ческая либерализация в 1980-х гг. однозначно способствовали участию в политике прежде не допущенных к этому социальных групп. В их числе и оказались исламисты [Yavuz, 2003, p. 4].

3. Фактор религии в период правления Партии справедливости и развития

Одной из таких политических сил стала «Партия справедливости и развития» (ПСР, *Adalet ve Kalkınma Partisi*). ПСР была основана в 2001 г. выходцами из бывшей исламистской «Партии добродетели» (ПД), ее реформаторского крыла во главе с Р. Т. Эрдоганом. К этому времени турецкие исламисты осознали одну непреложную истину. Откровенно религиозная риторика не даст соответствующим партиям возможности удержаться у власти. Ведь это было чревато военным переворотом и давало светским судебным властям полное право закрыть подобную партию [Саруханян, Сергеев, 2012, с. 18]. Доказательством тому была судьба всех партий, ассоциированных с движением «Национальный взгляд»: они попали под запрет по решению Конституционного суда. Кроме того, в 1997 г. лидер этого движения и идеолог турецкого политического ислама Н. Эрбакан был вынужден уйти с поста премьер-министра под давлением военных.

В таких обстоятельствах члены вновь созданной Партии справедливости и развития отмежевались от термина «исламизм» в официальном дискурсе: они предпочли называть себя «консервативными демократами» (*muhafazakâr democrat*) – турецкий аналог христианско-демократических партий Западной Европы. То есть официально партия квалифицировалась как центристская. Хотя по факту в преобладающем большинстве члены партии были представителями различных тарикатов, главным образом, джамаата Искендерпаша [Соснов, 2021, с. 57]. Кроме того, среди союзников ПСР оказались нурджисты и гюленисты, которые впоследствии вместе с ней вошли во властные структуры страны.

Так или иначе, это оказалось эффективной тактикой: в 2002 г. по итогам выборов партия получила большинство в парламенте.

Касательно идеологии ПСР отметим, что понимание секуляризма как гарантии свободы вероисповедания стало ключевым элементом ее политики. С одной стороны, это позволяло ей удовлетворить основные запросы верующих, не посягая при этом на конституционный принцип лаицизма. С другой – исламисты в то же время выступали за демократические свободы, или, как уже отмечалось выше, происходило сближение политического ислама с либеральными западными ценностями.

ПСР ратовала за скорейшее вступление Турции в ЕС. А интенсивные реформы по модернизации 2000-х гг. были как раз обоснованы стремле-

нием правительства соответствовать Копенгагенским критериям, выдвинутым этим интеграционным объединением [Шлыков, 2015, с. 113].

Приведем несколько примеров подобных преобразований. Так, Совет национальной безопасности Турции получил статус гражданского органа с консультативными полномочиями. Это значительно сужало возможность вмешательства в политику со стороны военных. Кроме того, был снят запрет на обучение на языках этнических меньшинств, включая курдский, чего нельзя было вообразить в правление кемалистской Народно-республиканской партии. В числе других реформ можно назвать отмену режима чрезвычайной ситуации в юго-восточных районах страны (с преимущественно курдским населением); официальное провозглашение равноправия мужчин и женщин; отмена смертной казни в мирное время и т. п. [Сочнева, 2011, с. 66].

В процессе социально-политической либерализации особое внимание уделялось курдскому вопросу. Курды были более близки по своим убеждениям исламистам, нежели кемалистам. Ведь М. К. Ататюрк, следуя принципам тюркского национализма, считал необходимым провести ассимиляцию курдского этноса с турками. ПСР же, напротив, до 2014 г. выступала за расширение прав курдов и мирное урегулирование с боевиками РПК («Рабочая партия Курдистана»; организация, признанная террористической в Турции). По этой причине поддержка курдского электората стала одним из важных факторов успеха Партии справедливости и развития на выборах в 2002, 2007 и 2011 гг.

Примечательно, что ПСР стремилась к присоединению Турции к ЕС не только по идеологическим соображениям. С тактической точки зрения, партия видела в Европе главного союзника во внутривосточной борьбе против Народно-республиканской партии [Шлыков, 2008, с. 67–68]. Ведь опираясь на ЕС, традиционно выступавший за либерализацию политической системы в Турции, исламисты могли выдвигать обоснованные обвинения в авторитаризме в адрес кемалистского режима.

Тем не менее, планам турецкого правительства относительно евроинтеграции не суждено было сбыться. С 2006 г. процесс застопорился. И хотя с тех пор он не раз возобновлялся, это не приводило к сколь-нибудь значимым результатам. Европа избрала политику затягивания переговоров. В Турции же это интерпретируется как очевидное нежелание ЕС принимать мусульманское государство [Эрдоган уверен, что ЕС не хочет..., 2019].

Несостоявшееся присоединение Турции к ЕС, как ни странно, не нарушило политических перспектив исламистской Партии справедливости и развития. На выборах 2007 г. ПСР одержала убедительную победу,

а президентом страны был избран А. Гюль – кандидат от исламистов. Последнее означало переход исполнительной власти от оппозиционной Народно-республиканской партии к Партии справедливости и развития. Результаты выборов показали, что ПСР уже обладала достаточной народной поддержкой, чтобы противостоять кемалистам. Соответственно, для этих целей ей больше не нужно было манипулировать «фактором ЕС».

Однако фактическая заморозка переговорного процесса с Евросоюзом в 2006 г. все же не обошлась без последствий. Она, главным образом, «подавила» реформаторский дух ПСР. Поэтому проводимые с 2007 г. реформы уже имели другой подтекст. Они были направлены, во-первых, на дальнейшую консолидацию власти, а во-вторых, на сопряжение процессов исламизации и модернизации.

Говоря о первой категории преобразований, отметим следующие. В 2010 г. по итогам референдума была одобрена важная для политического ислама конституционная поправка. Она среди прочего включала ограничение возможностей Конституционного суда Турции по закрытию политических партий. Кроме того, данная корректировка Основного закона создавала необходимые условия для начала курирования гражданскими судами дел, возбужденных в отношении военных [Johansson-Nogués, Jonasson, 2011, p. 124]. Это заметно ослабило позиции суда и армии – главных «недоброжелателей» ПСР.

Летом 2016 г. в стране была произведена неудачная попытка военного переворота. В рамках режима ЧП, который в срочном порядке был введен Р. Т. Эрдоганом и продлился до июля 2018 г., последовали массовые увольнения, задержания и аресты. Репрессии коснулись в том числе вооруженных сил, органов внутренней безопасности и судебной власти [Алексенко, Сапронова, 2017].

События 2016 г. создали благоприятные условия для продвижения Партией справедливости и развития своих реформ по укреплению власти. К примеру, в 2017 г. в Турции состоялся референдум о внесении изменений в Конституцию. По итогам этого голосования большинство участников поддержало переход Турецкой Республики от парламентской к президентской форме правления [Олейник, 2017].

Иными словами, на лицо крен в сторону авторитаризма в Турции. Это вполне соответствует неоимперской модели модернизации, для которой характерна централизация политической власти. В такой обстановке власть, в частности, обеспечивает относительно скорую мобилизацию внутренних ресурсов для выполнения поставленных задач [Лобанов, 2016, с. 91].

Переходя к исламизации современной Турции, сразу отметим, что на данный момент в стране отсутствуют условия для установления

откровенно исламистского политического режима. И дело не только в конституционно закреплённом принципе лаицизма.

Во-первых, серьёзное сопротивление исходит от той части населения, которая придерживается своего привычного светского образа жизни. Показательными в этом отношении стали масштабные антиправительственные выступления в ряде городов страны в 2013 г., также известные под названием «протесты в парке Гези» [Ерёмина, 2013]. Во-вторых, правящая партия с 2018 г. состоит в коалиционном правительстве с ультраправой Партией националистического движения² (ПНД), которая привержена идеям тюркского национализма. Поэтому, при всем желании, у ПСР нет свободы действий в том, что касается реализации строгой исламистской повестки.

Тем не менее, партия Р. Т. Эрдогана сделала достаточно для того, чтобы говорить о «ренессансе ислама» в Турции. Этот процесс преподносится как часть модернизационного проекта. Правительство пытается сохранить в обществе баланс между традиционностью и современностью. Такой подход укладывается в понятие «модернизации в обход модернити³». Она предполагает сохранение национальной культуры страны и отказ от навязывания обществу западных ценностей. В применении к Турции данный феномен получил оформление в концепции «неоосманизма», которая пронизана ностальгией по османскому прошлому и стремлением к девестернизации [Шлыков, 2018].

Приведем конкретные примеры исламизации в Турции. Прежде всего, необходимо указать на рост удельного веса религиозного образования. Реформы, проведенные Партией справедливости и развития, преобразовали религиозные школы из факультативного в неотъемлемый элемент образовательной системы. Так, вступительные испытания, введенные для поступающих в среднюю школу, коснулись всех образовательных учреждений данной категории, кроме школ имам-хатибов (училища для подготовки профессиональных имамов). Иными словами, теперь все те ученики, которые не набрали достаточно баллов для обучения в других школах, автоматически зачисляются в религиозные училища [Cornell, 2015].

Не менее важным показателем повышения роли ислама в социально-политической жизни государства является легализация деятельности религиозных орденов (джамаатов). В качестве иллюстрации можно назвать джамаат Исмаил ага. Члены этого братства живут в своеобраз-

² Последние всеобщие выборы в Турции, прошедшие в мае 2023 г., в очередной раз подтвердили этот тандем.

³ Концепция получила развитие в работах таких исследователей, как А. Абдель-Малека, А. Турен, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и т. д.

ном «исламском гетто» в самом центре Стамбула [Pirický, 2012, p. 538]. Ни центральные, ни местные власти не ограничивают его деятельность, поэтому этот джамаат нередко называют «государством в государстве». Последователи Исмаил ага не только свободно «пропагандируют» свои ценности, но и оказывают населению широкую социальную поддержку, как-то содействие в поиске работы, финансовых ресурсов и т.п. Взамен на такую лояльность правительства они, в свою очередь, поддерживают политику правящей партии ПСР [Pirický, 2012, p. 553–557].

Большое значение в контексте исламизации общественной жизни в Турции имеют также реформы относительно свободного ношения хиджаба. Запрет на его ношение на госслужбе был введен в 1925 г., а в отношении студенток вузов данный закон начал действовать с 1980-х гг. В 2010 г. турецкое правительство сняло запрет на ношение данного религиозного атрибута в университетских кампусах. В 2013 г. женщины в мусульманском головном уборе появляются в государственных органах. В 2017 г. запрет на ношение хиджаба был аннулирован в рядах вооруженных сил страны [Turkey lifts military ban..., 2017]. Турецкий президент даже рассматривает возможность закрепления права женщин покрывать голову по-мусульмански в новой Конституции страны [Кошечкина, 2022], которую планируется принять в 2023 г. – к столетию республики [Беленькая, Кривошеев, 2021].

* * *

Итак, в Турции ислам играет особую роль в социально-политической жизни общества. Это верно как с исторической точки зрения, так и в нынешних реалиях. Несмотря на глубоко укоренившийся в этом государстве принцип секуляризма, сегодня политический ислам находится на пике своего развития. И именно он задает свой особенный тон модернизационным процессам в стране.

Литература / References

1. Бурашникова А. Б. Неопантуркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 13. № 2. С. 65–68. Саратов. [Burashnikova A. B. Neopan-turkism and Neo-ottomanism in the Foreign Policy of Turkey// News of the Saratov University. New series. History series. International Relations. 2012. Vol. 13. No 2. Pp. 65–69. Saratov. (In Russ.)].
2. Гаджиев А. Г. Турция и ЕС: место мусульманской страны в «христианском клубе» // Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. (отв. ред.) Турция в период правления партии справедливости и развития. Сборник статей. 2012. С. 168–186. М.: ИВ РАН. [Gadzhiev A. G. Turkey and the EU: the Place of a Muslim State in the “Christian Club”// Ulchenko N. Y., Shlykov P. V. (eds.) Turkey under the Justice and Development Party. Collection of articles. 2012. Pp. 168–186. Moscow: IV RAS. (In Russ.)].

3. Лобанов К. Н. Модернизация по-турецки: идеологические основы и политическая практика «Неоосманализма» // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 87–94. Ставрополь. [Lobanov K. N. Modernization in Turkish Manner: Ideological Foundations and Political Practice of Neo-ottomanism // Humanitarian and legal research. 2016. № 4. Pp. 87–94. Stavropol. (In Russ.)].
4. Мейер М. С. Историческая динамика исламской цивилизации // Хорос В. Г., Мальшева Д. Б. (отв. ред.) Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. 2011. С. 51–74. М.: ИМЭМО РАН. [Mejer M. S. Historic Dynamics of the Islamic Civilization // Khoros V. G., Malysheva D. B. (eds.) Islamic Civilization in a Globalized World. Based on a Conference. 2011. Pp. 51–74. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)].
5. Орешкова С. Ф. Исламизм в Турции: восстановление былого или новое явление? // Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. (отв. ред.) Турция в период правления партии справедливости и развития. Сборник статей. 2012. С. 7–19. М.: ИВ РАН. [Oreshkova S. F. Islamism in Turkey: Rehabilitation of the Past or a New Phenomenon? // Ul'chenko N. Y., Shlykov P. V., (eds.) Turkey under the Justice and Development Party. Collection of articles. 2012. Pp. 7–19. Moscow: IV RAS. (In Russ.)].
6. Петросян Ю. А. Из истории пропаганды доктрины османализма на Балканах // Тюркологический сборник 1973. 1975. С. 142–149. Москва. [Petrosyan Y. A. Discourse on the History of Propaganda of the Ottoman doctrine in the Balkans // Compilation of Articles on Turkism 1973. 1975. Pp. 142–149. Moscow. (In Russ.)].
7. Сергеев В. М., Саруханян С. Н. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД РФ. 2012. Вып. № 5 (35). 64 С. Москва. [Sergeev V. M., Sarukhanyan S. N. Modernization and Revolution (Turkey, Iran and the Arab states) // Analytical Reports IMI MGIMO (U) MID RF. 2012. No 5 (35). 64 P. Moscow. (In Russ.)].
8. Соснов Г. И. Тарикат Накшбандия: от духовных практик к политическому исламу // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 6 (69). С. 46–59. М.: РИСИ. [Sosnov G. I. Nakshbandi Tariqa: from Spirituality to Political Islam // National strategy issues. 2021. No 6 (69). Pp. 46–59. Moscow: RISI. (In Russ.)]. DOI: 10.52311/2079–3359_2021_6_46.
9. Сочнева И. А. Проблемы и перспективы вступления Турции в ЕС // Вестник международных организаций. 2011. Т. 6. № 1. С. 65–71. М.: НИУ ВШЭ. [Sochneva I. A. Problems and Prospects of Turkey's Adhesion to the EU // Bulletin of International Organizations. 2011. Vol. 6. No 1. Pp. 65–71. Moscow: NIU HSE. (In Russ.)].
10. Хорос В. Г. Единство в многообразии (Заключение) // Хорос В. Г., Мальшева Д. Б. (отв. ред.) Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. 2011. С. 221–224. М.: ИМЭМО РАН. [Khoros V. G. Unity in Diversity (Conclusion) // Khoros V. G., Malysheva D. B. (eds.) Islamic Civilization in a Globalized World. Based on a Conference. 2011. Pp. 221–224. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)].
11. Шлыков П. В. Динамика процесса демократизации в Турции: роль международных организаций и гражданского общества // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 3. С. 107–146. М.: ИНИОН РАН. [Shlykov P. V. Dynamics of the Democratization Process in Turkey: the Role of International Organizations and the Civil Society // Issues of Contemporary Europe. 2015. No 3. Pp. 107–146. Moscow: INION RAS. (In Russ.)].

12. Шлыков П. В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение. 2008. № 4. С. 56–72. Москва. [Shlykov P. V. Political Islam in Turkey: in Search of a New Identity // Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies. 2008. No 4. Pp. 56–72. Moscow. (In Russ.)].
13. Erbakan N. Yeni Bir Dünya ve Adil Düzen. 2019. 152 S. Istanbul: Mgv Yayınları. [Erbakan N. A New World and Fair Order. 2019. 152 P. Istanbul: Mgv Yayınları. (In Turkish)].
14. Grigoriadis I. N. Islam and Democratization in Turkey: Secularism and Trust in a Divided Society // Democratization. 2009. Vol. 16. Issue 6. Pp. 1194–1213. Routledge. DOI:10.1080/13510340903271803
15. Johansson-Nogués E., Jonasson A.-K. Turkey, Its Changing National Identity and EU Accession: Explaining the Ups and Downs in the Turkish Democratization Reforms // Journal of Contemporary European Studies. 2011. Vol. 19. Issue 1. Pp. 113–132. Routledge. DOI:10.1080/14782804.2011.554199
16. Mardin Ş. Turkish Islamic Exceptionalism Yesterday and Today: Continuity, Rupture and Reconstruction in Operational Codes // Rubin B., Çarkoglu, A. (eds) Religion and Politics in Turkey. 2006. Pp. 3–25. Oxon: Routledge. DOI: 10.4324/978020337349.
17. Pirický G. The Ismailaga Community: Shifting Religious Patterns in Contemporary Turkey // Archiv Orientální. 2012. Vol. 80. Issue 3. Pp. 533–561. John Benjamins Publishing.
18. Yavuz H. M. Islamic Political Identity in Turkey. 2003. 332 P. New York: Oxford University Press.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Алексенко Ф., Сапронова Ю. Враги Эрдогана: как Турция изменилась после попытки переворота // РБК. 16.07.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2017/5968c05f9a7947370110c79a?ysclid=lcacu454x297988203> (дата обращения: 15.10.2022).
2. Бельнская М., Кривошеев К. Реджеп Эрдоган готов к обнулению конституции // Коммерсантъ. 10.02.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4683643?ysclid=lcadqiwx5114179252> (дата обращения: 25.11.2022).
3. Ерёмкина Д. На пороге «турецкой весны». Борьба за стамбульский парк настроила турок против правительства // Lenta.ru. 03.06.2013. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/06/03/protest/?ysclid=ldbpgckdrs649687630> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Кошечкина В. Эрдоган предложил вынести на референдум вопрос ношения хиджаба // Lenta.ru. 22.10.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/22/hijab/?ysclid=lcv15qgvto571264078> (дата обращения: 13.02.2023).
5. Олейник Е. Зачем Турция перешла на президентскую форму правления // АиФ в Беларуси. 26.04.2017. URL: https://aif.by/politiks/zachem_turciya_pereshla_na_prezidentskuuyu_formu_pravleniya?ysclid=lcadn8dof4645981107 (дата обращения: 10.01.2023).

6. Шлыков П. В. «Турецкая модель»: от евроинтеграции к девестернизации // Россия в глобальной политике. 23.06.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tureczkaya-model-ot-evrointegraczii-k-devesternizaczii/?ysclid=lehloi316m791222816> (дата обращения: 26.12.2022).
7. Эрдоган уверен, что ЕС не хочет принять Турцию, так как она является мусульманской страной // ТАСС. 15.02.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6124390?ysclid=ld1m8fvmea415601109> (дата обращения: 05.02.2023).
8. Akyol M. Turkey's Troubled Experiment with Secularism // The Century Foundation. 25.04.2019. URL: <https://tcf.org/content/report/turkeys-troubled-experiment-secularism/?agreed=1> (accessed: 15.01.2023). На англ. яз.
9. Cornell S. E. The Islamization of Turkey: Erdogan's education reforms // The Turkey Analyst. 02.09.2015. URL: <http://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/437-the-islamization-of-turkey-erdo%C4%9Fan%E2%80%99s-education-reforms.html> (accessed: 10.01.2023). На англ. яз.
10. Crisetig J. Retour sur l'«islamisation» de la Turquie // Orient XXI. 15.03.2021. URL: <https://orientxxi.info/magazine/retour-sur-l-islamisation-de-la-turquie,4524> (accessed: 15.01.2023). На франц. яз.
11. Dumont P. La Turquie d'Atatürk: un modèle de développement pour le monde musulman // 23.10.2003. URL: <https://turcologie.u-strasbg.fr/dumont-makale1.pdf> (accessed: 07.02.2023). На франц. яз.
12. Tasdemir F., Bayar G. Necmettin Erbakan: Trailblazer of national vision // Anadolu Agency. 27.02.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/life/necmettin-erbakan-trailblazer-of-national-vision/2159166> (accessed: 15.01.2023). На англ. яз.
13. Turkey lifts military ban on Islamic headscarf // The Guardian. 22.02.2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/feb/22/turkey-lifts-military-ban-on-islamic-headscarf> (accessed: 17.12.2022). На англ. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гасанова Айтан Байлар кызы – преподаватель, кафедра Политологии и Философии, Университет Хазар, Баку, Азербайджан

Gasanova Aytan B. – professor, Department of Political Science and Philosophy, Khazar University, Baku, Azerbaijan

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.03.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 15.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 01.03.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 15.05.2023.

The author has read and approved the final manuscript.